

Весы мартышек

Свет начинал его понемногу раздражать, накатываясь расплавленной жидкостью куда-то за дальний крайний угол возможного поворота глазниц. Тело начало исполняться вдруг естества некой сущностной жидкости, которой оказывался залит до самых краёв, словно трёхлитровая банка под напором воды из-под крана. Дексэл Токстронг чувствовал, как фотоны своим бесконечным потоком вливают ему в черепную коробку свинец, отчего голова начинает напоминать пушечное ядро, точно в неё только что прошествовала стайка пушистых бесов.

Дексэл точно знал, что до начала приступа остаются считанные минуты, они всегда так начинаются, эти коротушки, эти спонтанные пиковые всплески электрической активности височных долей коры головного мозга, эти провалы в какое-то ужасающее своей чуждостью измерение, где его всегда уже поджидают очередные жители проекций неведомого, ни назвать, ни понять которых он так и не решался, стараясь всеми возможными силами держаться от этой жути как можно подальше.

Он размышлял тем временем: “Вот, вероятно, я сейчас окончательно осатанею, ибо черти гнут меня, а сама тьма душит мою душу. За спиной стоит смерть и пытается успокоить бунт нервов. Она вовсе не страшна, она будто колыбельная, она – курица-наседка, она – нянька-сиделка!” В комнате было светло, пожалуй, даже слишком. Лунная дорожка пересекала серебристой грустью вурдалака край подушки и половину постели, не касаясь разве что дальней стены.

Дексэл чувствовал вокруг присутствие неких высших потусторонних сил, духов, быть может, даже домовых. Когда он смотрел на предметы, то они словно бы отдалялись куда-то в другое измерение, подчиняясь новым законам своего нового мира, комкались, теряли форму. Смысл и назначение оных осознавался совершенно не сразу сквозь постоянное движение на периферии зрения, многочисленные и многообразные смещения шкафов, стульев, вытягивающихся в бинокулярную трубу, какая бывает, если смотреть в оптические сложные увеличители в обратном направлении, когда слишком близкие предметы многократно увеличиваются, тогда как далёкие отдаляются ещё более.

Чтобы хоть совсем немного успокоиться, Дексэл Токстронг включил тихую музыку и начал глубоко и ритмично дышать, полностью концентрируя всё внимание на музыкальных переливах и на шорохе

собственных посвистывающих бронхов. Его тотчас начали уносить ритмы мелодии, а тело переросло в музыку, найдя с ней единое материальное целое, басы мелодии обратились в значение силы, а высокие тона ринулись передавать чувства. Голоса музыки потеряли тональности, став не значимыми и пресно-плоскими, как камбала, приглушившись и отсеившись сознанием Дексэла, как мусор естественной жизни, теперь уже ненужный и позабытый.

Он достиг стадии сознания первобытного человека, точно знавшего, что его окружают неведомые силы и могучие потусторонние существа, сходного с магически-сказочным сознанием маленького ребёнка, ещё не растерявшего в своих мозгах природной чистоты, избавленной от тлетворных стереотипов общественной природы человека, равно как и не пролившего в забвение умиротворяющей Леты или Стикса последние капли теперь уже лишнего серотонина.

Состояние впадения в детство явилось для Дексэла своеобразной преисподней, оригинальным шлюзом на пути к тотальному обезчеловечиванию, позволившему взглянуть на мир из перпендикулярной проекции, в которой существуют категории, о которых мы и не можем догадываться, будучи людьми. Но всё человеческое, кроме искреннего и полного милостивого сострадания, тому миру, куда всякий раз проваливался в своём падучем припадке бедолага Токстронг, казалось полностью и абсолютно чуждо.

Чувство единения растворило его в звуках и шорохах чуждой обволакивающей реальности, и он уже готов был забыться конвульсивными видениями, порождаемыми всё ускоряющимися вибрациями, обращаемыми в одно непрекращающееся чувство возвышающего давления, как ощутил что-то странное, происходящее с его с движениями, словно центр тяжести смещался попеременно вперёд и вниз, тогда как гравитация значительно ослаблялась, а инерция напротив, набирала свои физические показатели.

Упав плашмя, Дексэл наблюдал в содрогающемся, будто бы расхлябанном на своих шарнирах теле, как экстремально скоростные и грандиозные по своей сложности пируэты выписывают его руки и ноги в воздухе. Это не-реальность, это тот экран виртуальности, в котором теряется граница между сном и явью, стираются все пределы и проявляются безграничные возможности рассудка без самого рассудка.

Где-то очень далеко от Дексэла жило его тело, тогда как самая сущность его была где-то здесь, рядом с ним, прямо возле его осознания, которое не было никакой возможности определить, пощупать, понюхать или полизать - его некое абстрактное

местоположение было целиком и полностью не определено и не определимо в привычном для человека пространстве, да и к самим категориям измерения пространства, по-видимому, не имело и не могло иметь ровным счётом никакого отношения, как, впрочем и всегда на самом деле. Только он в обычном своём состоянии рассудка, будучи постоянно отвлечённым тысячами и тысячами мелочей, оставаясь всё время вовлечённым в их безумную круговерть, не находил в себе ни сил, ни желания, ни смелости, посмотреть на механизмы их действия со стороны.

Токстронг парил в космическом эфире, некоей мировой Этерне, в которой нет ничего, кроме потенциала существования, но при этом есть то самое всё, что только возможно, а значит, уже predetermined и входит в этот потенциал. Старый мир – не более, чем одна из теней этой самой Этерны, которую теперь можно было созерцать на экране защитной сферы или трубы, всё ещё соединяющей его обновлённое умопомрачением видение мировоззренческих позиций с бессмысленной ношей телесной оболочки, застрявшей по ту сторону существования, и так и не пролезшей за своей очевидной грубостью на оболочку изнанки, из которой наружная событийность воспринимается лишь глубже, а общественная связь рвёт свои путы, теряя остатки гнилых корней и показывая под содранной маской своё истинное лицо бессмысленной нелепицы соглашений, порядков и устоев.

Внезапно музыка перестала что-либо значить и вовсе ощущаться, словно с неё внезапно сняли путы и рычажки, позволявшие ей только что влиять на разум. Это слегка привело Дексэла в чувство, тогда он и заметил, что не может понять, открыты глаза, или закрыты, поскольку за опущенными веками мир воспринимался всей поверхностью лица столь же хорошо, как и с открытыми глазами.

При этом в восприятии существовало и некое иное пространство, в котором, частично пересекаясь и сливаясь со зрительными образами, скользили постоянно меняющиеся форму, структуру и насыщенность красно-зелёные калейдоскопические узоры, словно наружу пыталось в своём постоянном порыве вырваться новое измерение, зарождаемое среди глубин реалистичных сновидений и экшн-кошмаров и переживаемое, пожалуй, даже с большей эффективностью, чёткостью и значимостью, чем тихий мир тусклой реальности, оставшейся за бортом ограничений восприятия и границ человеческого тела.

В трансценденции гиперреальности Вселенной оказалось, что каждый предмет можно описать куда большим количеством категорий, кроме физических, химических и биологических свойств. Плотность

понимания естества, степень значимости, интенсивность существования, измерение качества мира здесь также наполнено б`ольшим смыслом, нежели материальные характеристики вещей.

Когда провалившийся в припадок Токстронг всё-таки сообразил, что по-прежнему лежит с закрытыми глазами, то внезапно обрёл если и не просветление, то уж точно - осознание невосполнимой потери какого-то врождённого чувства. Только вот какого? Поначалу он даже никак не мог понять сущность пропавшего ощущения. Зрение – на месте, слух – тоже, осязание, обоняние – всё это было достаточно жёстко искажено, но не настолько, чтобы он не мог их опознать. И вдруг, как гром среди ясного неба, он понял, какое чувство исчезло. Люди не привыкли придавать ему особого значения, почитая за само собой разумеющееся, но стоит ему исчезнуть, и разум начинает теряться и испытывать острый дискомфорт. Это чувство времени.

Дексэл действительно не мог тогда сказать, исходя из собственных внутренних ощущений, не только утро было или вечер, но и в какой исторической эпохе и каком географическом месте он оказался. Мир не походил на себя и был параллелен в каком-то самом прямолинейном, а оттого устрашающем смысле этого слова, насыщен роём потусторонних существ, могучих сил, одновременно глумливых и сокрушающихся над судьбами и глобальными проблемами человечества. Эпилептический странник явственно ощущал исходящие от существ эманации смыслов и непередаваемых, невыразимых на словах эмоций.

Жители этого необыкновенного мира явно второго внимания относились к Дексэлу с любопытством, при этом высказывая некую навязчивую привязанность, но не проявляя в равной степени не дружелюбия не враждебной настроенности. Их присутствие ещё не заметно было для глаза, но остро и совершенно точно ощущалось, а колебание их настроения прямым способом сказывалось на колебаниях настроения беспутного припадочного туриста куда-то вовне, за крайние грани привычного. И тут он неожиданно сам для себя понял, что они здесь хозяева и жители этого мира, а он вторгся в их обыденное существование, поэтому, вероятно, смотрится в их глазах, в некотором роде, чудесатым и чудаковатым пугалом, типа привидения, духа или призрака. И тогда он предпринял попытку покинуть свой старый и привычный мир, мучивший и напрягавший его внутренними вибрациями полей.

Да не тут-то было! Токстронга его мир никак не желал оставить в покое, начав менять собственное то ли качество, то ли свойство, то ли

обликоощущение рефлексивного выражения каждые несколько минут, почти мгновенно разогнаавшихся до нескольких секунд, хотя объяснить, что представляет из себя это понятие качества мира, достаточно сложно.

Пожалуй, это была, в некотором роде, совокупность всех отдельных свойств восприятия, позволяющих смотреть на реальность под тем или иным ракурсом, окрашивая каждый элемент собственной субъективной подливкой значимости или цели, причём значение имело три измерения, было и четвёртое, выражавшее время значения, скорость его изменения или только ожидания изменения, намеревания изменения в потоке всеобщей гармонизации распадающихся осколками и моментально реконфигурирующихся элементов-условностей, пришедшее на смену исчезнувшему времени пространства повседневности.

Это четвёртое измерение само по себе значило не более, чем свойство эволюции порядков слоющихся миров, каждый из которых подлежал строгому каталогизированному учёту, вырывая из эго Дексэла чуточку того, что составляет самость, выраженную в конфигурации его личной индивидуальности со всеми взаимосвязями, недочётмаи привычками и несовершенствами выработанных на протяжении всей его жизни автоматизмов.

Дексэл Токстронг открыл глаза, приложив огромное усилие к своей черепной коробке, нагревающейся от расходящихся по ней волн: по стенам и обоям расползались какие-то сложные структурированные пятна, потолок мерцал и рябил, как телевизор, включенный в сеть с выдернутой антенной, а от постоянно мельтешащих в пространстве неконтролируемо дёргающихся рук расходились размазанные призрачные следы-флэнжеры в воздухе. Внезапно откуда-то из глубин сознания всплыл неминуемо надвигавшийся, точно танк, пласт реальности, окончательно выдернувший только что очнувшегося невероятным усилием открытия глаз странника из привычного мира в мир для него, на поверку, довольно-таки непривычный.

Он оказался сначала в каком-то среднестатистическом и ничем не приметном офисе, и наконец-то увидел всех тех людей, присутствие которых столь рьяно рвалось в его мир несколькими минутами (месяцами, годами, веками?) ранее, окружив обстановкой недавней евроотделки: работали принтеры, факсы и копиры, светил матовым светом подвесной потолок, жужжали какие-то устройства за стеной, стрекотали вентиляторы, шелестели кулеры компьютеров. Издалека доносились невнятные голоса и брань начальника с подчинённым. Слева от нашего странника, обнаружившего себя сидящим в одиночку на стуле, расположился целый ряд менеджеров и клерков в очках,

галстуках и строгих костюмах.

Появление Дексэла вызвало у всех волну гомерического хохота и аплодисментов, словно на сцене в цирке клоун отморозил весьма весёлый номер, после чего одна работница офиса произнесла вкрадчиво самодовольным тихим голосом:

- Здравствуй, Дексэл! Мы тебя дожидались, но ты сегодня слегка припоздал.

- Извините, - пробормотал странник.

- Да ладно, ничего, забудь об этом и не вспоминай даже, - услышал он в ответ.

Женщина, которая начала разговор, была типичным представителем бизнес-леди средних лет. Ей было на вид лет от тридцати пяти до сорока, а строгие и узкие черты лица и пристальный, но не напрягающий взгляд выдавал в ней весьма дипломатичную натуру, у которой за мягкостью речей всегда сыщется пара-тройка контрольных выстрелов для конкурентов. Такие люди трудоголично ради карьеры вкалывают на поле деятельности постиндустриальной цивилизации до самой старости, и лишь с преклонным возрастом к ним приходит осознание радостей той жизни, билет в которую они в спешке лживых целей и устремлений так и не приобрели.

Строгость внешнего вида и первые рабочие морщины от постоянного нервного перенапряжения сочетались у этой особы с удивительно хитрым и совершенно нечеловечески мягким голосом, умиротворявшим обеспокоенные умы и гипнотически заставлявшим впадать в состояние полной безмятежности и доверия. Одетая она была во всё красное и производила впечатление довольно-таки нервной, тревожной и стержневой природы с темпераментом холерика.

- Я приставлена к тебе в качестве экскурсовода в этом мире. Нам многое предстоит показать тебе, а тебе многое предстоит узнать, раз уж ты оказался в наших краях залётной птицей. Пройдём в кладовую. Я кое-что должна показать тебе, - с лисьими интонациями в голосе произнесла Мадам в Красном, как её про себя окрестил Дексэл.

Он вдруг очутился в чёрном пространстве без пола, потолка и стен, вспомнив, что когда-то бывал уже в этом месте, а потому знал, что это специфический демонстрационный экран мира, обладающий способностью отражать различные явления и показывать естества, надёжно забывая обо всём этом знании в привычном состоянии сознания.

В пространстве демонстраций парили золотые весы, достигавшие высотой около полутора метров и длиной около двух с половиною. У

левой чаши сидел очень жирный сурок, а у правой – очень худой суслик. При этом Мадам видно не было, но мягкий голос с хитринкой продолжал вещать откуда-то из-за спины: “Это весы эпохи величия мартышек, созданные некогда грандиозной цивилизацией разумных обезьян. Они выражают тщету всей человеческой деятельности, на них же опираются все причины в вашем мире, устанавливающие в конечном итоге равновесие противоположных начал. В насмешку над человеческой цивилизацией мартышки сделали эти весы из золота, поскольку в нашем мире этот металл не ценится, как и всё ваше материальное не в чести.

Эти весы также отражают борьбу мужского и женского начал – инь и янь, символизирующихся аллегорически через запад и восток, а также через священные символы латиницы Q и Z. Притом тебе следует запомнить, что Q всегда находится на западе, выражающем мужское начало, тогда как Z – всегда на востоке и выражает, соответственно, женское начало всего сущего в этом мире. Запомни это на всю жизнь и никогда не забывай; ошибка в деле мироустройства может стать летальной и приобрести глобальный характер, приведя к катастрофе. Кстати, я советовала бы тебе хотя бы кратенько записывать то, что я тебе сейчас говорю, ведь ты забудешь всё это, когда придёшь в себя, если не сохранишь никаких записей.

Дексэл Токстронг интуитивно полез в карман и тут же, как по мановению волшебной палочки, обнаружил там пузатенький грифельный блокнот и карандаш, которым можно было оставлять в обнаруженном блокноте все необходимые заметки за лекцией, читаемой перед ним в проекционном Теневом Зале абстрактных демонстраций неопишемого. Он тотчас же не преминул воспользоваться обнаруженной им возможностью и сделал заметку по поводу вышесказанного: «Весы мартышек. Z – на востоке. Q – на западе. Инь vs. Янь».

- А это что за зверьки? – спросил странник у Мадам, имея в виду суслика и сурка, ожидающе застывших в зале, приняв прислужливо просевшую позу и умасленно-подхалимажническое выражение мордочек. Того и гляди похлопают лапками по ляжкам и скажут: “Ку!”

- А это охрана весов, они сторожа и хранители порядка в этом мире, только об этом никто не знает. Из простых людей, имеется в виду, а не как ты, падучий путешественник. Кстати, как самочувствие, долго ещё с нами собираешься пробыть-то, а?

Дексэл открыл глаза в привычном физическом мире вещей, приложив такое усилие, словно тащил на спине никак не меньше тонны

угля. Тело казалось безграничным и, сжимаясь до предела, едва умещалось во всю комнату, удивительно уменьшившуюся и занимавшую от силы три или четыре кубометра пространства. Он вдруг понял, что вещи давят на его сознание, они наваливаются и создают чувство бурной толкучки в автобусе или электричке. Одновременно сохранялась возможность видеть с закрытыми глазами и прикоснуться к любому обозримому предмету снаружи, не переставая вести внутренний диалог со своим экскурсоводом.

- Похоже, - сказал Дексэл, - я пробуду здесь с вами ещё некоторое время.

- Почему ты так думаешь? – спросила Мадам.

- Я так думаю, потому что могу объять комнату и в все находящиеся в ней шкафы своими руками одновременно. В обычном, не изменённом состоянии сознания я не могу этого сделать. Значит, время на беседу ещё есть, ничто пока что не тянет меня возвращаться, - сказав это, странник начал расплываться и размазываться по стенам, и в доказательство своих слов, действительно вытянул бесконечно резиновые руки в узкое пространство между шкафами и стенами, объял всю мебель, а затем, пропитав собой границы комнаты, прилип к потолку, одновременно осознав, что это не имеет границ, а комната есть лишь узкая клетка, висящая в абсолютной пустоте и, подобно нашему сознанию, ограничивающая полную свободу дел и выбора человеческой природы стремления к самосовершенствованию и эволюции разума в сторону безграничности абстрактного, к отсутствию рамок.

- Вот так, вот так, вот так, - Дексэл показывал проводнице Иной Реальности объятые шкафы, - а в обычном режиме восприятия я так не могу!

- Логично, - согласилась Мадам. - Поехали дальше. Весы противопоставляют материальный и духовный мир в виде аллегорий и метафор. Жажда бесконечного насыщения желудка и плоти выглядит противовесом духовным устремлениям человека плана эйдосов. Проблема в том, что человеку предоставляется право выбора лишь одного элемента, а оба выбрать он не имеет права. Поверь, мир так устроен. Но примитивные существа обладают значительно б`ольшим потенциалом к восприятию мира, нежели человек, поэтому высший разум более всего доступен растениям, а менее всего достижим человеком. Как бы мы этого ни хотели, но сознание мешает нам познать истину, тогда как, скажем, картофелю, эта истина вовсе не нужна. В этом-то и заключается основа мирового равновесия. Принесите

демонстрационные экспонаты и материалы, - обратилась мадам к стражам – шерстистым охранникам весов.

Суслик тут же приволок человеческие мозги и положил их на западную чашу символа Q, а сурок вынул из грубого холщового мешка несколько картофелин и одновременно взгромоздил их на восточную чашу символа Z, ему то есть подчинённую. Весы пришли в равновесие.

- Вот видишь, - сказала Мадам, - они равнозначны между собой, как бы ни хотелось некоторым людям думать иначе.

Токстронг, тем временем, совершенно огорошенный увиденным, достал опять из кармана свой грифельный блокнот, раскрыл его и сделал следующую пометку на тёмно-серых негибаемых, как намерение, листочках: «Массы разума в клубнях картофеля. Связано с весами».

- Человек привык отрицать наличие разума у животных, - продолжала Мадам. - Но на самом деле это не так. Для животных характерно естественное восприятие, тогда как для человека общественное. Так и запиши себе дословно, и это должен быть лозунг всех народов: «Лозунг: Вороны воспринимают мир?!! Естественно!». Эта фраза даже глубже, чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, она доказывает существование восприятия у всех живых существ и, частично, неживых тоже. С другой стороны, она указывает на естественность, то есть природность восприятия всех ворон. Так что людям ещё учиться и учиться нужно у этих мудрых птиц. Ибо природа всегда мудра, запомни это, пожалуйста, и никогда не забывай. Но и это ещё не всё, что я обязалась тебе показать.

Теперь странник смотрел на весы уже сверху, а с высоты примерно трёх метров над парящим в пустоте днищем весов. Внезапно они обрели звёздчатую симметричность, превратившись в подобие схематического тройчатого изображения бубна, притом третья чаша выразила приземлённый мир материальной неживой природы, грубый, бессмысленный и стремящийся к разрушению.

- Ну вот, теперь вроде бы всё в порядке, всё на своих местах и весы отныне, как видишь, полностью уравновешены. Эту третью субстанцию мы называем неофициально в своих кругах Гербал Труг, в честь основателя восприятия вашего неживого материального мира, выразившего стихию разрушения.

- А как субстанция зовётся по-настоящему? – задал вопрос Дексэл.

- Это имя слишком сложно для твоего разума, да и знать его тебе вовсе не обязательно. Просто знай, что третья чаша выражает стихию разрушения, и сумей как можно точнее донести эту информацию до

мира людей, оставшихся, к сожалению, по ту сторону Реальности. А вообще, заморочки у нас с Гербалом Тругом, мешает он нам здорово, а избавиться от него нельзя, сам понимаешь.

Странник уже привычным движением руки застрочил широким росчерком в своём блокноте: «Гербал Труг – наш надёжнейший маразм. P.S. Весы трёхстопны.»

Вдруг Дексэл снова оказался в офисе, и его на этот раз попросили подождать немного. На шлюзе, разделяющем мир Весов мартышек от мира людей, в растекающихся узорах появилось изображение избушки, рядом с которой росли многометровые в высоту бабкаёжкинские грибы, затем им на смену появился стальной паук со слишком большим количеством свисающих вниз серебристых лапок, похожих на тончайшие нити ожерелий. К пауку было привязано цепью светило дифракционных лучей, имевших центральную симметрию под углом примерно в сорок пять градусов. Паук, шевелясь и суча лапками, бился о светило, как брелок о звонкий ключ.

Токстронг нырнул снова в офис и оказался около рекламы турагентства, напечатанной на тонкой дешёвой бумаге сине-сероватыми красками, причём при помощи давно отработавшего срок картриджа, отчего картинка вышла с чересполосицей, однако, судя по простенькому рекламному слогану, качество печати не было недостатком в работе типографии, а неким не вполне понятным и не вполне адекватным изощрённым дизайнерским трюком.

Дексэл тут же записал слоган с рекламной листовки в свой блокнотик. В этом не было уже никакой необходимости, но так, на память, а вдруг пригодится. Гласил слоган следующее: «Moza Loscha – грибы и пальмы в полосочку! Много по цене \$».

На картинке был изображён тупейший мультяшный островок с пальмами, имеющий совершенно непривлекательный вид не только по причине своей совершенно невменяемо брутальной инфантильности, но и из-за тленной тональности трупных пятен самого рисунка. Притом, если с пальмами, упоминавшимися в слогане, было вроде бы всё ясно, то грибы, видимо, вынырнули из его недавнего видения, предшествовавшего новому погружению обратно, к экскурсоводу миров. Она на этот раз стояла прямо перед Дексэлом, разглядывая его одновременно пристально, строго и очень спокойно, даже с какой-то холодной отчуждённостью, читавшейся даже в её блуждавшем намёке на загадочную полуулыбку.

- Мы ещё не закончили нашу лекцию, ну ты же понимаешь. Есть ещё много вещей, которые ты должен донести до людей во Внешнем

мире. Или наоборот, в их Внутренних мирках. Называй так, как хочешь называть, на самом деле, конструкции ваших слов не имеют никакого значения, так же, как и вы сами. Смысл только в формах и способах вашего взаимодействия с Реальностью - для наших теневых миров ваша гармоничность судьбоносна и определяет формы представлений, визуализаций, решая вопросы наличия, лио отсутствия энергии. Именно поэтому я должна рассказать тебе о том, как организован алгоритм работы человеческого разума. Итак, Декс, поехали! - Мадам в Красном сделала небольшую, но очень многозначительную паузу и, убедившись, что я её слушаю, продолжила:

“Сознание можно подразделить на воспринимающее и перерабатывающе - передающее. Чувственное всё на слой ниже, однако при этом находится в непосредственной взаимосвязи с приёмником и передатчиком сознания и являет собой уровень абстрагирования, выделяющий личность из функционала организма.

Личность может быть представлена как унифицированный единый образец сетевого стека взаимодействия с информацией. Подсознания как такового не существует. Наибольшее приближение к подсознанию - животный слой функции, выполняющий свойства биолого-экзистенциальной направленности, однако этот слой `уже, чем сознание и позволяет человеку быть реализованным.

Животный функционал реализует человеческого киборга, подобного примитивному механизму с ограниченным набором однозначно запрограммированных действий. Он включает индивидуальность, но все её методы сходным образом занесены в информационный код, образующий структуру человека.

Основа работы мозга - серый эллипсис, представляющий из себя набор инструкций интеллектуального характера, надстоящий над животным функционалом и не открывающий механизмы работы слою сознания, притом, что в сером эллипсисе представлена модифицируемая иерархия взаимосвязей, предполагающая не только возможность распределения значимостей функций в вертикальном и горизонтальном направлении но, но и легко изменяемая как в зависимости от порядка и степени развития, так и в зависимости от складывающейся ситуации, что схематично сопоставимо с распределением органов тела, за исключением лишь их статичности.

Серый слой эллипсиса лежит ниже чувственного, но при этом оказывает влияние на этот слой, а сам эллипсис перераспределяет элементы, руководствуясь состоянием человеческого киборга. Совесть берёт своё начало в эллипсисе, поэтому изначально околочувственна и

является модификантом инстинкта сохранения животного слоя. В эллипсисе заключены рычаги управления базисными чувствами, а также атавистическими функциями, которые не являются заблокированными, но путь из сознания к ним лежит через базис.

Киборг не имеет власти над когнитивностью, поскольку главная его функция - постановка абстрактных задач по обеспечению жизнедеятельности. Все сферы потребностей зарождаются не в высшем слое сознания, а на слоях животного и в сером эллипсисе. Престиж есть проявление стадного инстинкта, а духовность подразделяется на социальную, имеющие общие корни с престижем с той лишь разницей, что престиж родом из киборга, а социальная духовность это ответвление от уровня абстрагирования престижа в эллипсисе.

Личная духовность есть результат порождения высшим слоем принципиально нового качества человеческого рассудка, начинающегося окончанием низшего слоя, есть суть априори чувство иррациональное, единственное объяснение которому заключается в обеспечении собственной сохранности через развитие возможностей, равно как и защите от психологического пресса общества, обеспечивающее реализацию низших слоёв.

Общество есть материальная схема. Культура общества, и не только массовая культура, но и стилевые представления, есть та же материальная культура, но отражает потребности в общественной стабильности, и только индивидуальная культура есть путь к спасению каждого человека, ибо стиль даже есть индивидуальная культура, засеивающаяся как зерно на благодатную почву социальной ситуации.

Цель животного - жизнь. Эллипсиса - реализация животного, чувственного слоя - абстрагирование от функции с выделением эго, цель высшего слоя - обработка сложной информации и познание для достижения подготовки реализаций потребностей низшего слоя для складывания новых. То есть, главная задача духовного слоя в обновлении животного, создающего предпосылки для развития духовного слоя. Круг замыкается.

Структура: животное - физическая работа органов, биологические реакции. В этом корень, например, любых форм зависимостей и привычек, при которых происходит отождествление высшего слоя с биохимией низшего, он складывается в одномерность, что вытесняет эллиптические функции на более высшие слои в смещении даже с чувственным. И это, поверь, серьёзная ошибка структуры человеческого разума, но исправить её можно только в корне поменяв природу человека; эллипсис - когнитивные функции, совесть, честь,

условные рефлексы, инстинкты, фобии, навыки.

Навык и фобия - это одно и то же, фобия есть навык избегания. Навык есть уровень абстракции условного рефлекса на высшем уровне с присоединением дополнительно чувственного. Навык привлечения к деятельности есть разновидности любви или побудителей - стимуляторов к действию. Навык навыка есть мания. Мания фобии - паранойя. Система навыков, перенесённая на высший слой без чувственного абстрагирования есть основа шизофрении.

Человек - это вообще система навыков в эллипсисе. Они являются методами реализации животного. Чувственное есть форма идентификации системы навыков для перманентного усиления к фрактальной инвариации, то есть через явное усиление самоподобием, рефлексивного - духовному. А цель сознания - непосредственное действие оных.

Чувства никогда не самостоятельны и зависят от состояния серого эллипсиса и собственно сознания, это всего лишь фильтр, подобно сетевому усилителю, общественное духовное похоже на коллективное бессознательное, но скорее не знание, а побуждение, когнитивность чаще всего расположена в нижнем пределе эллипсиса, ниже системы навыков.

Личность формируется фильтрами чувств, поэтому личность также не самостоятельна, как и сами чувства и зависит всецело от набора методов серого эллипсиса. Этот набор обусловлен социально, следовательно не чувства лежат в основе общества, а общество лежит в основе чувств.

Социальная духовность есть общественные рефлексы, связывающие людей в организм толпы, которая по уровню организации ниже индивида, так как цепляется за рефлексы эллипсиса, лишённые чувственной природы и ещё не превращённые в навыки, поэтому общество всегда выше животного, но ниже человека. Индивидуальные и общественные рефлексы взаимосвязаны и взаимодополняемы и являют собой потоки данных для чувств, складывающих основу для индивидуальной духовности, ставящую себя в противоречие с собственными основами.

И, напоследок, запомни, что человек - существо не социальное. Человек - существо сетевое, а общество - это только одна из локальных сетей во Всемирной паутине Абсолюта.”

Мадам, наконец, замолчала, оставив слегка задумавшегося над её словами Дексэла отдыхать на офисном крутящемся кресле. Он, в свою очередь, внимательно разглядывал практически закончившийся

грифельный блокнот, размышляя отнюдь не на тему только что услышанной лекции чуждой энергии, а на тему решения проблемы переноса этого самого блокнота в мир людей.

Дексэлу вдруг стало жалко людей, всё человечество, о сути которого столько всего было сказано, этих странных разумных попрыгунчиков на двух кособоких ходулях, сущностей, вообразивших себе материальный мир, точно фонариками высветивших его свойство из паутины информационных волн бесконечности, наделив эту фантазию материальности придуманной ими же самими какой-то важностью, запутавшихся то ли в безумстве ума, то ли в уме безумства, потерявших свою истинную животную сущность, не стремящихся к хищности, а только к изворотливости, что совершенно во все времена не было свойственно для зверей...

Они оставили нас, поэтому мы больны их отсутствием, и, в продолжении птичьей темы, странник, наконец-то, выписал эссенцию итога всех своих размышлений на тему людей: «Болезнь грифона: грифон нас оставил?!!» Хотя даже в этой надписи читалось какое-то сомнение в собственных словах и блёклый проблеск надежды, что этот самый грифон если нас и оставил, то не исключено, что оставил не до конца, и есть в нас зачатки той первобытной хищности, ведущие к спасению незамутнённого восприятия Вселенной!

Размышления странника прервала абсолютно необычайная тишина, вдруг воцарившая вокруг и вызвавшая у него некую толику удивления. Так и не решив загадки природы Реальности о придании грифельному блокноту с последней записью о грифоне хоть какого-то намёка на принадлежность нитям мира, знаменующим материальность, зато обратив внимание на тот факт, что, в свою очередь, на него никто не обращает внимания, странник решил попрощаться с работниками офиса.

- Ну я пойду, наверное, мне, в принципе, пора...

- Уже уходишь? – спросила Мадам.

- Да, пойду, наверное.

- Ну, до следующего раза, возможно, мы ещё встретимся.

- А может быть, и нет.

- А может, и нет, - согласилась проводница в царстве офисных теней, - но в любом случае, заходи как-нибудь, у нас ещё много чего есть тебе показать интересного. Мне правда очень неудобно, но ты зашёл в неподходящий момент, у нас сегодня запланированы перерасчёты, сборы, и всё такое... Мы сегодня очень заняты!

- Ладно, я подумаю, - сказал Дексэл, открыл дверь и уже

вознамерился сделать очередной заплыв в серую и вязкую пустоту реальности по ту сторону оплывающих полутонами узоров, как голос проводницы миров, раздавшийся вдогонку, остановил странника.

- Помни, выбор у тебя всегда есть: уйти или остаться, и куда именно уйти у тебя тоже есть выбор. Оглянись - и всё поймёшь сам, уже без моих постоянных подсказок и подпинываний твоего восприятия. Дексэл Токстронг, уже начавший процесс выныривания - или, как раз наоборот, ныряния в свою человеческую проекцию реальности - посмотрел назад и увидел, что за плечами не осталось ничего, кроме ослепительно-искристро-белого, самую чуточку переливчатого, сияния, откуда доносился голос Мадам в Красном.

Странник внезапно впал в какое-то шокированно-сонное оцепенение на границе между такой знакомой и родной вязкостью каждодневной круговерти с одной стороны и мириадами переходящих друг в друга в единой радужной вязи форм, проекций и вселенных, мерцающих где-то сквозь ослепительный свет с противоположной стороны.

Дексэл Токстронг подумал ещё какую-то долю мгновения и, приложив некоторое усилие околоосознанной воли, с разбегу, насколько этот способ перемещения вообще был здесь возможен, нырнул в колышашуюся откуда-то изнутри пучину застывших ярко-белых лучей.

То ли бытия, то ли небытия.

*Белоусов Роман,
2007 г., 2009г.,
21 июля 2015 года.*